

## Палестинский вопрос в цепочке конфликтов на нестабильном Среднем Востоке

Газета «Маарив» оценивает, что до 2007 года четыре арабо-израильские войны, случившиеся в период с 1947-го по 1973 год, ливанский конфликт 1982–2000 годов и вторая ливанская война в 2006 году, а также две *интифады* в 1980-е и 2000-е годы привели примерно к 20 тысячам смертей среди израильтян и 60 тысячам среди арабов и палестинцев. Последующие конфликты – пять войн в Газе, в том числе нынешняя – увеличили число жертв среди арабов до 100 тысяч. Согласно Витторио Дан Сегре, в «арабских гражданских войнах» (иорданский конфликт 1970–1971, сирийская гражданская война в 1980-е годы), ливанской гражданской войне (1975–1990) и иракской войне после 2003 года погибли порядка 300 тысяч человек («*Metamorfosi di Israele*», 2006). В сирийском и йеменском конфликтах с 2011 года по сегодняшний день, как считается, погибли 400 тысяч человек. Ирано-иракская война (1980–1988), во время которой значительная часть суннитского мира поддержала режим Саддама Хусейна, пока что остаётся самым кровавым межгосударственным конфликтом на Большом Среднем Востоке (около 1 миллиона смертей).

Таким образом, за прошедшие три четверти века в ходе становления государственных форм в регионе число жертв составило приблизительно 2 миллиона. Конфликты широко поддерживались многими империалистическими державами как оружием, так и капиталами.

### Палестинский вопрос в средневосточной игре держав

С 1948 года *палестинский вопрос* утвердился как точка сближения между арабскими буржуазиями, заинтересованными в сдерживании европейского колониального присутствия, а также как национальный предлог для раздувания, манипулирования или маскировки противоречивых и зачастую соперничающих региональных интересов. Сегре считает, что столкновение за Палестину было по своей сути дракой за территорию, но из-за «панарабских революционных претензий» и внутренних противоречий панарабизма приобрело «символический характер», и потому в итоге стало «неразрешимым» (*op. cit.*).

Сегре видит связь между арабо-израильским конфликтом и различными государственными традициями, сформировавшимися после деколонизации. Он разделяет государства на три категории. Во-первых, основанные на «*религиозно-племенных коалициях*», такие как Йемен, Саудовская Аравия, Марокко. Во-вторых, сохранившие структуры доколониальных властей, такие как эмираты Персидского залива, Алжир, Египет. Их фундаментом была военная структура османского типа – *мамлюки*, – но по мере взаимодействий с европейскими державами они эволюционировали в сторону «*династическо-республиканских*» форм, которые вследствие центрального положения вооружённых сил были переделаны по модели кемалистской Турции. В-третьих, такие государства, как Израиль, Иордания, Ливан, Ирак, Сирия, которых характеризует главным образом поиск «*национальной идентичности*», инициированный, говоря словами Генри Киссинджера, «*доминирующими меньшинствами*», этническими или конфессиональными. Он опирался на пример Ирака, который можно также распространить на Ливан, Сирию и Иорданию. В том числе и для многонационального государства Израиль, 20 % населения которого арабы, характерно противоречие между израильской и еврейской идентичностями в рамках национальной сионистской идеологии. Этот процесс, участниками которого стали государства в поисках консолидации, доминирующие национальности и меньшинства без государства, к чему нужно добавить также атаквистические религиозные противоречия, неотделим от соперничества империалистических держав в регионе. Средний Восток остаётся эпицентром противостояния спустя годы после конца колониального владычества и геополитических ставок Лондона и Парижа, учитывая ключевую роль нефти в мировом послевоенном цикле развития. Борьба за нефть, противостояние держав *посредством* нефти и контроль над её транспортировкой, над *энергетической артерией* Персидского залива стали постоянной чертой средневосточных кризисов и войн. Вспомним строки Арриго Черветто, написанные по поводу арабо-израильской войны 1967 года: «*Арабская буржуазия, воспитанная и*

откормленная в махинациях с европейскими и американскими империалистами, уже давно добавила к своей игре советскую карту. Израильская буржуазия разыграла и хорошо использовала сталинистскую карту в 1947 г., когда СССР и США поддерживали сионизм для того, чтобы изгнать с Ближнего Востока едва дышащие английскую и французскую державы, которые доходили до того, что даже оправдывали панарабизм, вооружали, организовывали его, желая остаться на волне... нефти. Израильское государство родилось не с благословения Иеговы, а с благословения Сталина и Трумэна. В 1956 г. оно оставляет своих крестных отцов, объединяется с Энтони Иденом и Ги Молле и движется на Суэц. Шестой американский флот блокирует операцию. Ближний Восток становится отныне зоной американского влияния, куда русские включаются только для того, чтобы делать игру Соединённых Штатов. В действительности нефть почти полностью становится звёздно-полосатой. Потребуется ещё почти десять лет, прежде чем усиление европейского капитализма приведёт к попытке вернуться в качестве конкурента на Ближний Восток и вызовет другое нарушение равновесия в международных и внутренних отношениях этого региона.

Вновь приходит в движение коалиция государств, СССР имеет пространство для манёвров, Соединённые Штаты увеличивают противоречия своей гегемонии. Во всём этом процессе арабская и израильская буржуазия играют вторичную, но необходимую роль. Неспособная в силу слабости и наличия конкуренции взять нефть в свои руки, она может, однако, как хороший подхалим, подготовить свои войска к войне, из которой только крупные империалистические державы могли бы сегодня извлечь выгоду. Умело используя покровительство и капиталы, она быстро превратила и то, и другое в идеологии для того, чтобы морочить голову трудящимся, и отличающиеся даже не расой, но только амвоном, с которого распространяется религиозный опиум»<sup>1</sup>.

Черветто подчёркивал относительную слабость арабской и израильской буржуазии даже в отношении раздела нефтяной ренты и отмечал доминирующую роль США и сопровождающую роль СССР. Он писал также о попытке «конкурентного возвращения» европейского империализма как об одном из факторов развязывание грядущего кризиса. Шарль де Голль запустил свою «большую арабскую политику»: в контексте 1967 года он приостановил военные поставки Израилю и предупредил, чтобы тот не начинал превентивную войну. По словам Реймона Арона, оставившего свой комментарий *Le Figaro*, Насер не начал бы блокаду залива Акаба, что послужило запалом для войны, «если бы не верил в поддержку Франции» (Никола Капеллутто, «Война 1967 года», Бюллетень «Интернационалист», май и июнь 2004 года; ныне в составе книги *“Energia e petrolio nella contesa imperialista”*, 2006).

Фактом остаётся то, что в последующие годы Европе будет трудно вернуться в регион из-за своей энергетической зависимости от Среднего Востока с одной стороны и дефицита военно-стратегической автономии от Соединённых Штатов с другой. Что касается раздела энергетической ренты, ситуация кардинально изменилась в результате войны 1973 года и нефтяного шока, потрясшего мировую экономику. Колоссальное перемещение ренты в пользу средневосточных буржуазий измерялось несколькими процентными пунктами МВП – этого было более чем достаточно, чтобы мотивировать их последующие пятьдесят лет подливать масло в огонь региональных трений и конфликтов, в том числе поддерживая террористические течения и религиозный радикализм.

### **Трансформация результатов “урегулирования 1922 года”**

Вернёмся к периоду после второй мировой войны. Государственные формы, установившиеся на Среднем Востоке после первой мировой войны в результате “урегулирования 1922 года”, претерпели изменения в период после 1945-го и по конец 1950-х годов (David Fromkin, *“A peace to end all peace”*, 1989). В 1952 году египетские вооружённые силы низложили монархию; с 1954 года их возглавил Гамаль Абдель Насер. В 1947 году в Сирии возникла Партия арабского социалистического возрождения (Баас), защитница арабского национального социализма и панарабизма, образовавшая также иракскую, йеменскую и иорданскую ветви. В 1954 году Баас добилась вхождения в сирийское правительство, которое характеризовалось сильной нестабильностью; в 1956

году в свете Суэцкого кризиса и утверждения Насера в роли арабского лидера Дамаск установил отношения с СССР, который совершил чисто проарабский поворот.

Нестабильность в Сирии и влияние Насера привели к созданию Объединённой арабской республики, просуществовавшей с 1958-го по 1961 год. Дамаск, недовольный египетским лидерством, покинул её в 1961 году, а в 1963-м Баас, конкурировавшая с Насером по части панарабских амбиций, установила в Сирии однопартийный режим. В 1966 году, однако, фракция военных, в которую входил также Хафез аль-Асад, офицер из алавитов, свергла “старую гвардию” партии, что привело к расколу с иракской ветвью.

В Багдаде пробританская монархия была свергнута военным переворотом в июле 1958 года, который возглавил генерал Абд аль-Керим Касем, националист и шиит. Его в свою очередь низложили и казнили местные баасисты в 1963 году; консолидация баасистского режима произошла только в 1968 году с утверждением Саддама Хусейна. Историк и дипломат Майкл Орен (“*Six days if war*”, 2002) пишет, что с 1949-го по 1967 год в Сирии сменили друг друга «шестнадцать различных правительств, почти по одному в год»; распри между баасистскими, насеристскими и националистическими течениями порождали постоянные чистки, сопровождались яростным соперничеством сирийской и иракской ветвей.

### **Арабская холодная война**

Многие социал-национальные режимы арабского мира, клиенты Москвы и конкуренты по панарабизму, к которым также добавились Алжир и – с 1969 года – Ливия, в контексте империалистического соперничества в регионе оказались вовлечены в так называемую “арабскую холодную войну”. Под этим понятием подразумеваются их конфликтные отношения с так называемыми «умеренными» и в основном прозападно настроенными странами: Саудовской Аравией, эмиратами Персидского залива, Ливаном и Иорданией. Последняя была вынуждена балансировать между западными державами, своими традиционными соперниками в лице саудитов, панарабизмом и палестинским вопросом, поскольку 70 % её населения составляли палестинцы, в том числе изгнанные из Израиля в 1948 году.

Конкуренция великих держав и “арабская холодная война” переплелись в 1957 году, когда была сформулирована «доктрина Эйзенхауэра» для Среднего Востока (Ю. Роган, “Арабы”, 2009; Е. Примаков, “Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами”, 2006). Одним из последствий этого “холодного” конфликта стало участие Египта в войне в Йемене 1962–1967 годов, которую сам Насер назвал «египетским Вьетнамом». Каир был вынужден отправить порядка 70 тысяч человек, чтобы справиться с местной шиитской религиозной герильей, поддержанной саудитами, британцами, иранским шахом и Израилем. Интервенция привела также к долгому кризису египетской экономики, крайне зависимой от поставок американского зерна. Неблагоприятная для египетского президента ситуация, чтобы начинать конфликт с Израилем.

### **Конфликт 1967 года**

По словам биографа Насера Жана Лакутюра, его политическая ограниченность выражалась прежде всего в «неспособности отличить воображаемое от действительного», что сделало его заложником собственной риторики и слов других. Как пишут Орен и Примаков, необходимость защищать престиж лидера арабского мира подтолкнула его в 1967 году к «демонстрации силы». Такую же оценку высказал тогдашний глава генштаба Израиля Ицхак Рабин. Насер, встревоженный возможностью нападения Израиля на Сирию, о чём его предупредила Москва, после ряда пограничных столкновений и усиления палестинской герильи разместил на Синае почти стотысячную армию. После требования вывода контингента ООН он установил блокаду Тиранского пролива, на берегу которого располагается Эйлат – двери Израиля в Красное море и терминал для разгрузки иранской нефти.

Конфликт закончился для него катастрофой и из-за поражения арабов привёл к упадку панарабской идеологии.

Лакутюр продолжает: хотя Насер принял участие в формировании палестинского национализма, рождённого вместе с ФАТХ в 1954 году и развившегося с созданием ООП в 1964-м, с 1957 года он «старался заморозить палестинский вопрос» и сохранить статус-кво

с Израилем, прикрывшись позицией «ни мира, ни войны». Французский историк считает, что панарабистские амбиции Насера зиждились на возможном обобществлении арабской нефтяной ренты, особенно саудовской, которой у Египта почти не было. Это подтверждение нашего суждения об «арабской буржуазии, купающейся в нефти», а потому и поныне неспособной исполнить революционную буржуазно-демократическую функцию.

С точки зрения Орена, в 1967 году Насер пошёл на «риск», пытаясь получить «дипломатическую победу без войны». Это также стало результатом внутриарабской конкуренции и соперничества президента с начальником египетского генштаба Абделем Хакимом Амером за контроль над вооружёнными силами: Амер сильно переоценил способности и организацию армии, недостаточно подготовленной и имеющей в строю лишь 70–75 % вооружений. Орен считает, что игра русских была очень противоречива: они пытались усилить локальные трения, чтобы «напомнить арабским странам об их зависимости» от поддержки со стороны Москвы.

Что касается Израиля, Орен напоминает, что основной целью Давида Бен-Гуриона в войне 1956 года было «сдуть Насера» и получить от Лондона и Парижа согласие на переустройство региона: создание маронитского государства в Ливане, раздел Трансиордании между Израилем и Ираком и аннексия Израилем Южного Ливана вплоть до реки Литани. Однако ни Лондон, ни Париж не были готовы удовлетворить эти притязания (М. Oren, *op. cit.*; В. Morris, “Righteous victims”, 2001). В действительности в 1956 году Израиль получил только гарантию выхода к Красному морю с портом Эйлат и размещение контингента ООН на Синае.

Решение Израиля начать превентивную атаку в июне 1967 года было продиктовано паническими настроениями в Тель-Авиве. Позиции премьера Леви Эшколя противостоял Бен-Гурион, который не хотел новой войны после откола его партии РАФИ от МАПАЙ в 1965 году в ходе внутренней борьбы за наследование ему самому. Однако большой вес имели и военные круги. Как пишут Том Сегев, Орен и Моррис, «путч генералов» в июне 1967 года привёл Моше Даяна в министерство обороны, где он сменил Эшколя (Т. Segev, “1967”, 2007).

Как пишет Моррис, решение Иордании ввести 30 мая единое командование вместе с Египтом, Ираком и Сирией стало поводом, который позволил Тель-Авиву «осуществить задачу, не достигнутую в 1948 году»: установить полный контроль над Иерусалимом и получить Западный берег реки Иордан и часть Голанских высот, в том числе исток Иордана, один из элементов трений с Сирией.

Что касается арабов, события служили для них подтверждением точки зрения, что Израиль был «сторожевым псом Запада» в регионе, и усиливали вес палестинской карты во внутриарабской политике. С точки зрения Морриса и Дан Сегре (*op. cit.*), после оккупации Западного берега реки Иордан и Газы, а также новой волны беженцев и консолидировалась палестинская национальная идентичность. ООП по-прежнему оставалась организацией-зонтиком, который объединял множество течений – ФАТХ Ясира Арафата была одним из основных, – по-разному используемых арабскими державами. Победа в войне 1967 года обозначила роль Израиля как крупнейшей военной державы в регионе, но, как пишет Моррис, вдохновила «националистический шовинизм» даже среди лейбористских течений, хотя идея об обмене территориями ради получения арабского признания не была забыта.

### **Война Судного дня и падение гегемонии лейбористов**

Насер, умерший в 1970 году, добился на хартумском саммите Лиги арабских государств в сентябре 1967 года «декларации трёх “нет”»: никакого мира, никаких переговоров и никакого признания Израиля. И обязался создать палестинское государство, что до 1970 года сопровождалось так называемой “войной на истощение” между Египтом и Израилем вдоль Суэцкого канала.

Средневосточный статус-кво, установленный войной 1967 года, был нарушен последующим раундом военных действий в октябре 1973 года. По мнению Морриса, Египет и Сирия «не стремились уничтожить еврейское государство, [...] зная, что такая цель для них недостижима и что при угрозе уничтожения Израиль может применить атомное оружие, которым он уже обладал». Можно добавить, что уже в 1967 году ядерный фактор, то есть опасения Израиля, что Египет может нанести удар по электростанции в Димоне, стал одним из мотивов, подтолкнувших Тель-Авив к конфликту. В 1966 году, вспоминает Орен, Насер

предупредил Вашингтон о возможности вступления Каира в «даже самоубийственный конфликт», чтобы помешать Израилю обзавестись ядерным оружием, хотя больше он этот вопрос не поднимал (*op. cit.*).

Цель Египта, продолжает Моррис, заключалась в том, чтобы получить полосу территории на восточном берегу Суэцкого канала и поколебать «дипломатическую непреклонность Израиля и международного сообщества», то есть великих держав. Целью Дамаска было вернуть Голанские высоты. Прежде всего, для обоих это было «снятие позора 1967 года», которое «принесло бы обоим режимам богатое вознаграждение», включая «финансовые вливания богатых нефтяных монархий». В любом случае, ни эти страны, ни их арабские союзники не поддерживали палестинский национализм. И для сирийского режима, так и для Анвара аль-Садата, преемника Насера, превалировали национальные интересы.

Израиль выиграл конфликт в военном отношении, но политически его превосходство было ослаблено. Война также сыграла важную роль в смене позиций египетского режима Садата: Каир перешёл с русской орбиты на американскую, о чём повсеместно заявлял Генри Киссинджер, бывший в то время государственным секретарём. Долгие последствия конфликта привели в марте 1977 года к концу гегемонии лейбористов в Израиле и восхождению «Ликуд», правоцентристского формирования, созданного в 1973 году Менахемом Бегинем (1913–1992), к которому присоединился генерал Ариэль Шарон.

### **Возвышение Ликуд и Ливанская война**

Родившийся на территории современной Белоруссии, Бегин первоначально вступил в социалистическое движение Ха-шомер ха-цаир («Молодая гвардия»), возникшее в Галиции в 1913 году. В 1929–1930 годах он перешёл в ревизионистское молодёжное движение «Бейтар» и стал его организационным руководителем. В 1939–1941 годах, будучи военным служащим польской армии, был интернирован в сталинский ГУЛАГ. Освобождённый после союзнических соглашений о воссоздании польской армии под командованием генерала Андерса, Бегин остался в Палестине в 1942 году, став лидером «Иргуна»: в этом качестве он в 1946 году был одним из организаторов нападения на отель «Царь Давид», штаб-квартиру британского военного командования в Палестине. В 1948 году он отказался распустить Иргун, который в апреле был ответственен за резню в Дейр-Ясине, одну из главных в первом арабо-израильском конфликте. Пытаясь получить оружие для «Иргуна», Бегин пострадал в инциденте с «Альталеной» – кораблём, окрещённым псевдонимом Владимира Жаботинского, – его потопила «Хагана» по прямому приказу Бен Гуриона.

«Политическое землетрясение 1977 года», – пишет Мишель Абитболь («*Histoire d'Israël*», 2024), – привело к созданию израильскими правыми правительственного блока, где политические балансы, установленные Бен Гурионом, обеспечивали лейбористам господство в связке с религиозной партией МАФДАЛ. Поворот был вызван способностью Ликуда привлечь с помощью национал-популистского дискурса голоса мизрахимов, включая сефардов, а также, постепенно, и национально-религиозного компонента, возникшего после 1967 года. Именно с Бегинем Садат заключил Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 года, установившие мир между Израилем и Египтом.

Также при Бегине в 1982 году Израиль ввязался в ливанский гражданский конфликт. Заявленной целью было изгнание из страны «параллельного государства», созданного ООП и различными палестинскими фракциями. Они были изгнаны из Иордании в 1970–1971 годах из-за попытки, поддержанной, по-видимому, в основном Сирией Асада, свергнуть хашимитскую монархию и создать палестинское государство. Ави Шлаим напоминает, что этот вариант положительно рассматривался сторонниками «Ликуд», такими как Шарон, в качестве так называемого «иорданского варианта», направленного на окончательное присоединение Западного берега реки Иордан к Израилю («*Lion of Jordan*», 2008). Иорданский конфликт, вошедший в историю как «чёрный сентябрь», сопровождался жёсткими репрессиями против палестинских партизанских формирований, в результате которых погибло от 5.000 до 15.000 человек.

Ливанский конфликт с осадой Бейрута был задуман Шароном в соответствии с намерениями Бен Гуриона 1956 года, то есть с целью создания союзного ливанского государства с маронитским руководством. Война увенчалась успехом – ООП была изгнана из Ливана и перебралась в Тунис. Однако она стала одним из факторов появления «Хезболлы» –

шиитской партии-ополчения, возникшей из палестинских осколков, с маоистской ориентацией, укоренившейся среди преимущественно сельского населения южного Ливана при поддержке Исламской Республики Иран (С. Ayad, *“Géopolitique du Hezbollah”*, 2024; J. Gleis, V. Berti, *“Hezbollah and Hamas”*, 2012). Во время осады Бейрута маронитские ополченцы были ответственны за массовые убийства в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, которые стали не менее кровавым повторением тех, что были совершены в 1976 году. Это привело к отставке Шарона с поста министра обороны.

Ливанский конфликт, в котором к 1983 году как в болоте увязла армия Тель-Авива, в том числе из-за растущих экономических трудностей страны, вынудил Бегина передать эстафету Ицхаку Шамиру. С 1984 года последнему пришлось создать коалиционное правительство с лейбористами во главе с Шимоном Пересом, извечным соперником Рабина, который возглавлял правительство в 1974–1977 годах. В 1974 году на Рабатском конгрессе арабские государства признали ООП единственным законным представителем палестинского народа. В 1988 году король Иордании Хусейн провозгласил административное отделение Западного берега реки Иордан, хотя ещё в 1974–1975 годах он предполагал создание иордано-палестинской федерации. Фактически, говорит Шлаим, решение Хусейна закрыло перспективу иорданского варианта в смысле федеративного или конфедеративного союза. Одним из факторов стало начало первой палестинской интифады в декабре 1987 года, которая, по мнению историков, была спонтанным движением населения Западного берега реки Иордан, заставшим врасплох и Израиль, и саму ООП. Это также дало возможность движению исламского сопротивления ХАМАС, возникшему в Газе и негласно поддерживаемому Израилем с 1970-х годов, утвердиться в качестве религиозного течения палестинского национализма, конкурирующего с ФАТХ и ООП. Также в 1988 году руководство ООП признало легитимность государства Израиль и создание палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Американское одобрение, по сути, позволило начать прямые переговоры, результатом которых стали соглашения 1993 года в Осло.

*Сентябрь 2024 г.*

---

<sup>1</sup> – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 250 (*перевод исправлен*).